

СИМВОЛИКА ОВЦЫ (БАРАНА) В ФОЛЬКЛОРЕ, ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ БАШКИР

© 2021

Илимбетова А.Ф.

*Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Российская Федерация)*

Аннотация. Статья посвящена анализу пережитков культа овцы (барана) у башкир, которая являлась одним из почитаемых животных в их религиозно-мистических воззрениях. В основе освящения овцы (барана) древними башкирами лежат реминисценции тотемического образа мышления первобытных людей о тождестве, единстве и кровном родстве человека и овцы (барана), которые проявляются в сказочном фольклоре, народных играх, родоплеменной этнонимии и антропонимах башкир. Наличие в устных рассказах башкир персонажа – царя с бараньими рогами – наводит на мысль, что древние башкиры почитали своим первопредком мифическое существо в облике получеловека-полубарана. В ипостаси тотемического первопредка овца (баран) в башкирском народном творчестве и верованиях выступает в роли покровителя, путеводителя, спасителя, благодетеля и целителя людей, охранителя жизни, прорицателя и предопределятеля их судеб, сопроводителя душ мертвых в рай; символизирует плодородие, благополучие, достаток и счастье. В отдельных элементах традиционной башкирской свадьбы и жертвоприношения барана, в суевном отношении к черепу и звеням шейного позвонка овцы (барана) просматриваются следы древних праздников овцы (барана) с ритуалами тотемической табуации, коллективного причащения мясом и кровью, магического воскрешения и размножения тотемного животного. В башкирских легендах, загадках и лексике прослеживаются пути эволюции представлений о тотемическом первопредке овце (баране), формирование на их базе воззрений об овцах (баранах) как сверхъестественных божественных существах, олицетворений звезд, атрибутов и спутников богов.

Ключевые слова: тотемные животные; овца; баран; башкиры; мировоззрение; обряды; обычаи; народные традиции; мифология; фольклор; этнография.

SHEEP (RAM) SYMBOLISM IN FOLKLORE, RITUALS AND CUSTOMS OF THE BASHKIRS

© 2021

Ilimbetova A.F.

*Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)*

Abstract. The paper analyzes the remnants of the sheep (ram) cult among the Bashkirs, which was one of the revered animals in their religious and mystical views. The consecration of the sheep (ram) by the ancient Bashkirs is based on the remnants of the totemic way of primitive people thinking about the identity, unity and blood relationship of man and the sheep (ram). Their vestiges are manifested in fairytale folklore, folk games, tribal ethnonymy and anthroponyms of the Bashkirs. The existence in the oral stories of the Bashkirs of a character – a king with ram's horns – shows that the ancient Bashkirs revered as their first ancestor a mythical creature in the guise of a half-man-half-ram. In the role of the totemic ancestor the sheep (ram) in Bashkir folk art and beliefs acts as a patron, guide, savior, benefactor and healer of people, a guardian of life, a soothsayer and predeterminer of their destinies, an escort of the souls of the dead to paradise, symbolizes fertility, prosperity, prosperity and happiness. In some elements of the traditional Bashkir wedding and the sacrifice of a ram, a superstitious attitude towards the skull and links of the cervical vertebra of a sheep (ram), traces of the ancient holidays of the sheep (ram) with rituals of totemic taboo, collective communion with meat and blood, magical resurrection and reproduction of a totem animal are visible. In Bashkir legends, riddles and vocabulary, the evolutionary paths of ideas about the totemic ancestor of the sheep (ram) are traced, as well as the formation on their basis of views about sheep (rams) – supernatural divine beings, personifications of stars, attributes and companions of the gods.

Keywords: totem animals; sheep; ram; Bashkirs; worldview; rituals; customs; folk traditions; mythology; folklore; ethnography.

Введение

Культовые животные являются наиболее важной частью древнего политеистического мировоззрения многих народов мира, в том числе и башкир. К почитаемым башкирами животным относилась овца (баран), ее образ часто встречается в их религиозно-мистических воззрениях, традиционном мировоззрении и фольклоре.

В XIX в. интерес к этнографии и фольклору башкир вызвало издание на русском языке в 1812 г. эпического сказания «Кузыйкурпяс и Маянхылу» в из-

ложении Т.С. Беляева. В эпосе прослеживаются пережитки почитания овцы – имя Кузыйкурпяс связано со словом «баран» [1]. В статье служащего Оренбургской военной комендатуры, поэта-декабриста П.М. Кудряшева «Предрассудки и суевия башкирцев» (1826 г.) дается фрагментарное описание способа гадания на бараньей лопатке [2, с. 70–71]. Известный ученый Р.Г. Кузеев исследовал древнебашкирские предания о животных-путеводителях, в число которых входила и овца. Совпадения этих легенд с аналогичными сюжетами в мифологии венгров, об-

ских угров, а также алтайских и кавказских народов рассматриваются автором как следствие активного смешения и взаимодействия различных этнических образований в гуннскую эпоху [3; 4, с. 48]. А.Н. Киреев считал, что почитание животных родилось на основе тотемических представлений. Тотемические идеи складывались, по его мнению, на базе стремлений первобытных охотников и скотоводов освободиться от отрицательного воздействия природы, достичь положительных результатов в повседневной деятельности. В число тотемов древних башкир фольклорист А.Н. Киреев включил кроме других животных и барана [5, с. 28–29; 6, с. 33–37]. Роль и место зооморфных мотивов (образов коней, оленей, овец и др.) в художественном украшении одежды, резьбе и росписи на бытовых предметах, а также в архитектурном декоре башкир рассматриваются в монографических исследованиях С.Н. Шитовой [7, с. 139; 8, с. 187–202]. Элементы обожествления животных содержатся в книге Ф.Г. Хисамитдиновой «*Башкорттарзың им-том китабы. Дауалау һәм һаҡлау магияһы*» («Книга башкирских заговоров. Лечебная и охранительная магия») (2006 г.), в которой включены более 600 рудиментов лечебной и охранительной магии, связанных с древнейшими религиозно-мистическими взглядами башкир, в том числе и культом овцы (барана) [9]. Отражение культа овцы в семейно-бытовой обрядности башкир освещается в работах Р.А. Султангареевой. Интересны описания обрядов «*Шештәкә*» (досл. «Двухлетний рогатый баран»), «*Һебә өсөн көрәш*» (борьба за кусок баранины на ложных ребрах), в которых, по мнению автора, отражаются пережитки древних тотемических воззрений башкир [10, с. 109–110]. Таким образом, в работах башкирских ученых имеются исследования, посвященные проявлению культа овцы (барана) у башкир. Однако они носят описательный и фрагментарный характер.

Целью работы является выявление роли овцы и ее образа в быту и практической деятельности и определение значения этого животного в мировоззрении и ритуальной практике башкир.

Научная новизна статьи заключается в том, что в работе проанализированы различные материалы по культу овцы у башкир, в том числе и новые фольклорные и этнографические сведения, что дает возможность воссоздать те или иные аспекты этнической истории башкирского народа, а также способствует выявлению исторических и генетических корней их духовной культуры. Методологическую основу исследования составили принцип аналитического, ретроспективного анализа этнографических, фольклорных, археологических, лингвистических, литературных источников и на их основе реконструирование путем ретроспекции древнейших корней религиозно-мифологических представлений башкир об овце. Практическая значимость исследования заключается в том, что представленные материалы способствуют раскрытию генетических корней культа овцы (барана) в фольклоре, обрядах и мифологии башкир, могут быть использованы этнографами и фольклористами в их сравнительно-исторических исследованиях. В результате исследования мы приходим к выводу, что в этнографических, фольклорных и лексических материалах прослеживаются пережитки то-

темических представлений предков башкир о тождестве и родстве человека и овцы. В них сохранились элементы воззрений о происхождении отдельных башкирских родов и родовых подразделений от овцы (барана), проглядывается облик мифического тотемического предка – получеловека-полубарана, отражаются отдельные детали обрядности тотемического культа овцы (барана), пути и формы их дальнейшей эволюции.

Основная часть

В устном народном творчестве, ритуале и быту башкир овца (баран) фигурирует как животное, обладающее человеческими свойствами – речью, мыслями, чувствами, волей и т.д. Антропоморфизация овцы проявляется в сказках «Бык, баран, петух, овца, кот», «Булансы-мэргэн», «Серая ворона» и др. [11, с. 73, 199, 436].

Общепризнано, что приписывание животным антропоморфных, а человеку зооморфных свойств является пережитком древнейших тотемических представлений о тождестве, единстве отдельных коллективов (стада) пралюдей и животных-тотемов, о способности их трансформироваться друг в друга [12, с. 70; 13, с. 332–333 и др.]. Вполне допустимо полагать, что в стародавние времена похожие суждения были характерны и культу овцы у башкир. Данное предположение подкрепляется фольклорными и этнографическими источниками. Например, в различных вариантах башкирской «Сказки о курае» повествуется о хане, на голове которого рос бараний рог [14, с. 94; 15, с. 103; 16, с. 108–110]. Наружность хана явно напоминает полулюдей-полуживотных, тотемических предков, присущих мифологиям самых различных народов мира. На бытование в башкирском фольклоре мотива о рогатом царе воздействовали различные факторы: если, с одной стороны, его можно рассматривать как пережиток преклонения предков башкир перед тотемическим прародителем – получеловеком-полуживотным с бараными рогами на голове, то, с другой стороны, он, возможно, является результатом влияния на устное творчество башкир средневековых сказаний об Александре Македонском, вошедшем в арабское устнопоэтическое творчество под именем Зу-ль-Карнайн («Двурогий»): в смысле «воплощение божества в бараньем обличье», «обладатель символа божественного могущества») и Искандаре (в иранском эпосе и средневековой поэзии народов Средней и Малой Азии, Монголии, Тибета, Индии, Кавказа, Балкан и Северо-Восточной Африки он известен под именем Искандар-шаха [17; 18, с. 631–637].

Реликты тотемического образа мышления древних башкир о тождестве и родстве человека и овцы, о происхождении их от единого тотемического предка сохранились и в родоплеменной номенклатуре: в составе родов мул-гайна и кумрук-табын зафиксированы родовые подразделения *кускар* (баран), у балакатайцев есть родовое подразделение *бэрэн* (двухлетний баран, ярка), у уршак-минцев – *тәкә*, у сартайлинцев – *тәкеш* [19, с. 94, 149; 20, с. 48–57, 110]. Г.П. Васильева производит последний этноним от зоонима *тәкә* (баран) [21, с. 201]. В составе западных табынцев имеется род *күрпәс табын* (от *күрпә* – новорожденный ягненок) [22, с. 213]. Родовые подразделения *бэрәс* (ягненок) и *кара һарык* (черная ов-

ца) установлены у усерган, кыпсаков и тангауров [23, с. 524; 24]. Есть достаточно оснований отнести эти этнонимы к реликтам веры охотников, рыболовов и собирателей древнекаменного века в кровно-родственные связи между отдельными группами людей и бараном-тотемом. Общеизвестно считать, что на заре человеческой истории с формированием идеи о тождестве отдельных групп людей и определенных видов животных их начали воспринимать как субъекты единой общности, в результате чего зоонимы тотемных животных стали этнонимами и коллективными антропонимами тотемных групп людей [13, с. 332–333; 25, с. 136–138 и др.]. Несомненно, к ним примыкают антропонимы *Кускар*, *Акжускар* (*ак* – белый + *кускар*), *Байгускар* (*бай* – богатый + *кускар*), *Акжуй* (*ак* + *жуй* – курдючный баран), *Куйкүрпәс* (*жуй* + *күрпәс*), *Куйһылыу* (*жуй* + *һылыу* – красавица), *Кузы* (ягненок), *Күрпәс*, *Кузыйкүрпәс* [22, с. 51, 110, 147, 157; 26, с. 50, 191, 220, 305] и др.

Образ овцы покровителя и спасителя людей проявляется в сказке «Булансы-Мэргэн» [11, с. 199, 202]. Схожий мотив содержится и в легенде, распространенной среди гайнинских башкир Бардымского района Пермского края: в давние времена некий человек обещал принести Богу в жертву своего сына. И когда он собирался исполнить свой обет, появился ангел Ибрагим, он бросил нож в камень, тот раскололся и оттуда вышел баран. Человек принес его в жертву Богу. Так была спасена жизнь мальчика, будущего пророка [27, с. 322]. Функция барана – спасителя жизни людей проявляется и в башкирском обряде «*Кот койоу*» («Отливание души»), совершаемое над человеком, заболевшим от сильного испуга. Если человек после этого не выздоравливал, говорили: «У него сердце сдвинулось с места, нужно посадить его на свое место». Для этого резали барана и, сразу же раскрыв его грудь, брали еще не остановившееся сердце и «сажали» его на грудь больного [28, с. 63].

Башкиры прибегали к помощи барана, когда младенец долго не мог держать голову: при таких обстоятельствах родители приносили в жертву барана. Голову и шею жертвы ели, не разрывая хрящевые связки и сухожилия шейных позвонков. Потом их вешали над входной дверью. При затвердении шейных позвонков барана должна была закрепиться и шея ребенка [9, с. 52].

Вполне допустимо, что древние башкиры приписывали тотемному первопредку – овце, патрону инициации (а не повитухам или знахаркам) – способность в процессе совершения различных магических операций «додельвать», «перерождать» больных (особенно детей) в полночных людях, наделять их теми или иными желанными свойствами. Видимо, с подобными взглядами на овцу связан также башкирский обычай лечения ревматизма обертыванием больных суставов бараньей шкурой [29, с. 327]. В древнейшей основе данного магического обряда лежат пережитки тотемических воззрений о возможности «переродить» больного человека путем обертывания его овечьей шкурой.

При болезни эпилепсией (*тотанак*) курганские башкиры приносили в жертву овцу любой масти. Больной не должен был есть ее мясо. Кости, шкуру и кровь овцы оставляли вдали от деревни в безлюдном месте и, произнося заговор, быстро убегали прочь

[30, с. 180]. В этой башкирской традиции «удаление» вместе с костями, шкурой и кровью овцы подразумевается и удаление самой болезни. Очевидно, «отбрасывание» вместе с овечьими костями, шкурой, кровью или пометом болезни – продукт позднего переосмысления более древних представлений об овце. У истоков этого башкирского обряда лечения больных, на наш взгляд, лежат воззрения о тотемной сущности овцы: выкидываемые кости, шкура, кровь или помет воспринимались первоначальными носителями этих традиций не как обыкновенные останки или экскременты заурядного животного, а как воплощения барана – их тотема, прародителя, первопредка и покровителя, способного изгонять, исцелять, принимать на себя и уносить с собой их болезни.

Овца выступает в роли заступника и охранителя людей и в башкирском обычае посвящения какому-нибудь домашнего животного (*мал инселәу*) при сложных жизненных ситуациях, ожидавших кого-либо из членов семьи (отправка на войну, в далекий путь и т.д.). Если после этого проблема разрешалась благополучно, то посвященное животное приносилось в жертву [24]. А при заушном нарыве (*колак арты сейләнеу*) ребенку посвящали овцу или козу, отрезав кончик одного из ее ушей (*ин һалыу*); кровью, вышедшей при этом, мазали заднюю часть уха ребенка [31, с. 386].

Крови овцы приписывались магические свойства и при других ситуациях: башкиры кровью свадебного барана (*туйлык*) натирали лбы детям и всем присутствующим на свадебных торжествах на стороне родителей невесты [28, с. 392]; кровью жертвенной овцы пачкали лицо и плечи виновника и при проведении обряда «*Нәзер корбаны*» (зарочное (обязательственное) жертвоприношение по случаю исполнения каких-то надежд, пожеланий) [32, с. 118].

Аналогичные обряды были известны и другим народам мира. Их смысл заключается в том, как заметил еще в середине XIX в. Э. Тейлор, что у первобытных людей существовал взгляд «будто жизнь есть кровь», что в обрядовых действиях кровь почитаемого животного полностью адекватна самому животному [33, с. 484], то есть выступает в ипостаси атрибута, заместителя тотема-первопредка. В контексте таких воззрений натирание тела кровью жертвенного животного направлено, по мнению Дж. Фрэзера, на отождествление себя с жертвой с целью приобретения тех или иных свойств культового животного [34, с. 192].

Вероятно, охранительную нагрузку несли и узоры в виде парных рогов барана (*тәкә мәгәзә / кускар мәгәзә*), которые составляли основной элемент башкирской вышивки и аппликации. Ими украшали женские платья, халаты, чекмени, чепраки [24; 35, с. 77, 79, 122, 253] и верхние поперечины наличников окон [8, с. 195].

Как свидетельствуют археологические материалы, статуэтки, рисунки, предметы и элементы женского туалета в виде бараньих фигурок, головок и рогов прослеживаются в Восточной Европе, Южном Урале, Средней, Передней и Центральной Азии с глубокой древности (начиная с VII тыс. до н.э.). Ученые, исследуя различные отражения овцы в первобытном искусстве, пришли к заключению, что их необходимо воспринимать как тотемные знаки со

всеми присущими им чудодейственными свойствами [36, с. 156; 37, с. 104; 38, с. 29 и др.]. Эти выводы можно отнести и к узорам в виде бараньих рогов в вышивке, аппликации и художественной резьбе по дереву у башкир.

В устных рассказах башкир известна позиция овцы в качестве путевода. В легендах северо-восточных башкир (айле, кошсы, кудей, тырнаклы) говорится о приходе их предков на Урал из Средней Азии. В шежере айлинцев сообщается, что их предок Юлбуга пришел из Средней Азии, с отрогов «Башкортских гор» на Южный Урал, в местность Миадак, в поисках потерявшейся отары овец [39, с. 236]. В предании сарт-айлинцев повествуется, что в древние времена их предки жили за Аральским морем. Однажды у них потерялись овцы, и сарт-айлинцы в поисках отары попали на Южный Урал [22, с. 219–220].

В эпических произведениях и обычаях башкир овца выступает покровителем и благодетелем людей, животным, наделенным свойствами предугадать, предсказать будущее, вещуном. Эта «обязанность» барана наиболее последовательно выражена в том, что, когда эпический герой Кузый-курпяс (версия Г. Саяма) в поисках своей нареченной девушки Маянхылу оказывается во владениях ее отца, одна овца, увидев его, отделилась от отары, прибежала к кочевью и стала напевать радостную весть «суенсе» («*һөйөнсә*») возле окна юрты Маянхылу, о том, что к ней идет Кузыйкурпяс. Суенсе – обычай обращения с доброй вестью; тому, кто приносит добрую весть, вручают подарок. Маянхылу, вместо подарка, в сердцах закричала на овцу и со словами: «Что ты мелешь пустое, да в рану соль подсыпашь!» – взмахнула ножом. Нож случайно задел курдюк овцы, разрезав его надвое. С тех пор, говорят, и остались расчлененными овечьи курдюки. Такое агрессивное действие Маянхылу в отношении овцы-оборотня, тотемного животного, предвещает беду – в конце эпоса погибают и Кузыйкурпяс и Маянхылу [40, с. 255, 262–264]. Способность овцы предугадать ход событий проступает и в сказке «Булансы-Мэргэн» [11, с. 199, 202].

Эти мотивы преломляются и в девичьих гаданиях. После тщательного обглодания бараньих бабок (*ашык / сөкәлсәй*) девушки ставили их в один ряд, дав каждой из них имена участниц ритуала, и окликали собаку. По тому, какую кость собака первой схватывала, определяли, кто из девушек раньше всех выйдет замуж [41]. В этом обряде баранья бабка олицетворяет не только овцу, но и человека: бабка (овца), унесенная первой, предсказывала о скором замужестве своего эпонима – девушки. Довольно распространенными были у гайнинских башкир гадания, связанные с выбором жребия. Весной, в начале апреля, девушки ночью ловили в помещении для скота барана. Если поймашь старого барана, считалось, что выйдешь замуж за старого, молодого – за молодого, попадется черный баран – выйдешь за темного, светлая – за светлого, поймашь овцу – не выйдешь замуж, барана – выйдешь [27, с. 189].

В 20-е годы XIX века у башкир большим уважением пользовались предсказатели – *ярунчи*. По сообщению П.М. Кудряшева, «каждый любопытствующий узнать будущую участь свою... должен привести... тучного барана, которого «прорицатель» зака-

лывает и вместе с приятелями своими употребляет на обед... После сего он берет баранью лопатку, не прикасаясь к ней зубами, очищает ее ножом и кладет на раскаленные угли. Лопатка остается в жару до того времени, пока не выступит из нее сок и не покажутся на ней трещины. В это время ярунчи снимает... лопатку с углей, внимательно рассматривает и начинает предвещать будущее... Он торжественно удостоверяет, что на бараньей лопатке оказались признаки самые счастливые и что любопытствующий будет иметь совершеннейший успех во всех предприятиях и намерениях. Обрадованный... башкирец... дарит» гадателю «деньги или что-нибудь из вещей» [2, с. 70–71].

В башкирских религиозно-мистических воззрениях овца фигурирует как необыкновенное животное, способствующее размножению людей. К серии подобных магических операций относится свадебный обычай, записанный в д. Чураево Альшеевского района РБ Р.А. Султангареевой: в целях обеспечения многодетности в семье в первую брачную ночь под постель (*түшиэк*) молодых клали овечью шкуру или шерсть [42, с. 83].

В памяти башкир старшего поколения до сих пор живы поверья, основанные на идее об овце как символе плодородия: «На свадьбу суягную овцу подарила, в течение года невестка забеременеет». Здесь проявляется древняя примета, согласно которой подаренная суягная овечка обеспечивает молодой женщине счастье материнства [43, с. 202]. С идеей плодородия, плодовитости связан обычай дарения невесте овцы при ее встрече в доме родителей жениха, на которую она должна была опереться при спуске с телеги (саней) [44, с. 75].

Данное предположение подтверждается и другим поверьем башкир, что амулет (*бетеү*), изготовленный из полового органа барана, стимулирует плодовитость овец: для чего при разделке туши барана вырезали член, высушивали, а затем, нарезав на мелкие кусочки, делали из него амулет плода (*тул төйөнө*) и привязывали его на шею овцы [28, с. 107]. С этой же целью прикрепляли к рогам барана-производителя дополнительные бараньи рога. Объясняли это так: «Чтобы у барана была жизненная сила, плод» [45, с. 115], то есть стремились повысить, удвоить его оплодотворяющую силу.

Башкиры при резком росте яловости коз, овец и коров в фундамент помещения для скота закапывали голову овцы. Это должно обеспечить, по их мнению, увеличение плодовитости домашних животных.

В мировоззрениях башкир овца ассоциировалась с понятиями «богатство», «достаток», «благополучие». По их суевериям, по прошествии определенного времени закопанный в землю клад оживал и появлялся на месте своего зарытия в образе одинокой собаки или овцы. Человек может обнаружить клад, идя по следу такого животного [28, с. 57]. Насаженные на колья черепа и кости шейного позвонка барана возле скотного двора, прибитые на пасеке рога барана должны были оберегать домашних животных, пчел от сглаза и обеспечить их благополучие (*кот*). Патронажная функция овцы-первопредка отчетливо проступает в предрассудках башкир, связанных со строительством жилья. Так, в башкиры при строительстве нового дома под фундамент или потолок

ную балку клали клок овечьей шерсти – это к достатку в новом доме [46, с. 424].

Отголоски тотемических воззрений древних башкир об овце сохранились в свадебной обрядности. Так, в Курганской области привоз родителями жениха на убой барана для угощения участников свадьбы называется «*һөйһөн килтереу*» (досл. «привоз любовной пищи»). На следующий день свадьбы, накануне забоя «*һөйһөн*» невесту уводили из дома. Она не должна была присутствовать при разделке барана и есть его мясо: по народным предубеждениям, если она съест это мясо, то не будет иметь половых сношений с мужем (*һөйһөн ашаған һөйһөмәс*). При закалывании барана люди держались за его шерсть. Кровью *һөйһөн* натирали лбы детей и участников свадьбы. Мать невесты, намкнув клочок белой ткани в кровь, прятала ее с наилучшими пожеланиями дочери в укромное место. Остальную кровь закапывали в землю. А кровью, вышедшей при разрезании сердца барана, угощали всех участников свадьбы, пожарив ее или смешав в *тултырма* (колбаса). Девушки, подруги невесты, во время коллективной трапезы пели песни, высмеивающие сватов, самого жениха. Часто упрекались те, кто вместо живого барана привозил тушу: «Свататься приехали, найдите голову *һөйһөн!*». Кости барана бросали в реку [28, с. 391–392; 43, с. 22].

В Кугарчинском и Зианчуринском районах РБ вечером второго или третьего дня свадьбы на стороне родителей невесты проводился обряд «*Шештәкә*» («Двухлетний рогатый баран»: образован от слов *шеш* – оттопыренный рог; *шешәк* – двухлетняя овца + *тәкә* – баран [9, с. 657, 658]): участники свадьбы ходили по домам и пели песни, а хозяева должны были преподнести им угощения: масло, корот, хлеб, блины и т.д. Иногда давали деньги, на которые «покупали» медовуху (*бал*). Слова исполняемых песен пересказывают смысл обряда: Лошадей моих распрягайте, лошадей моих напоите, за то, что столько уж спели, барана выносите!» [10, с. 109].

В обоих свадебных обрядах чувствуются отзвуки древнейших тотемических праздников барана. В «*Һөйһөн*» непосредственно наблюдается один из эпизодов, содержащихся в обряде интичума, – магическое размножение тотемного животного путем коллективного вкушения его мяса и крови, совершаемое на тотемических праздниках. В «*Шештәкә*» он трансформировался в сбор участниками свадьбы всякого рода кушаний и напитков с последующим их коллективным поеданием. Весьма возможно, что в первоначальном виде этот обряд был посвящен сбору пожертвований тотемическому предку – рогатому барану (*шештәкә*). Суть явления сохранилась только в названии ритуала.

В обряде «*Һөйһөн килтереу*» отчетливо проступают и другие черты тотемического праздника – забота о костях и крови барана, а также требование найти его голову, центрального объекта всей церемонии. (Без него не может быть и праздника!) Воздавая им почести, первобытные люди верили, что это приведет к возрождению, воскрешению и размножению тотемного животного. Как часть обряда интичума нужно оценивать и натирание кровью барана лбов всех участников свадьбы. В этот же круг раритетов прошлого входит вышеуказанная примета

весьма нескромного содержания, а также само название ритуала («любовная пища»): они являются осколками определенных разнуданных отношений между племенами во время тотемических праздников, направленных на магическое размножение тотема. А церемониальное запрещение невесте есть мясо «*һөйһөн*», как нам представляется, вытекает из древнейшего табу не есть мяса животного, не получив на это разрешение от членов тотемной группы данного животного или не перейдя в эту тотемную группу [13, с. 340–341, 437]: невеста находится в семье родителей, она еще не переехала в дом жениха, не стала членом его рода. Поэтому она не имела права есть мясо барана – тотема рода жениха. С другой стороны, это может оказаться реминисценцией социальной борьбы переходного периода от матрилокального брака к патрилокальному: невеста демонстрировала свое нежелание переехать в род мужа, приобрести мясом тотема не своего рода.

С тотемическим праздником овцы перекликаются ритуалы принесения в жертву (*корбан*) молодого барана (желательно белой масти), который считался у башкир наиболее желательным для этих целей животным. При этом жертвенная овца должна быть не моложе 6–8 месяцев и не старше 2–3 лет, хорошей упитанности, без каких-либо меток и изъянов, с неповрежденными частями тела. Забой жертвенного барана совершал знающий народные обычаи и обряды уважаемый в деревне обрезанный (*сөннәтле*) человек. Во время резания овцы присутствующие люди держались за ее шерсть: такому человеку после смерти овца поможет на том свете перебраться в рай по мосту Сират шириной, как острие ножа, проложенному через пропасть между адом и раем. Кровь жертвы собирали в посуду, затем закапывали ее в землю, где не ходили люди, или выливали в реку. Тушу разделяли ножом, не раздробляя кости. Варили все – и мясо, и голову, и конечности, и потроха. Приглашенные должны были вкушать от всех частей жертвенного животного. Голову жертвенного барана ел сам жертвователь. Отдельные информаторы утверждали, что голову и конечности жертвы не варили, а отдавали, как и шкуру, в качестве милостыни одиноким людям, прежде всего пожилым женщинам. Жертвенным мясом угощали родственников, соседей, друзей и знакомых, всех, кто приходил на пиршество. Трапеза начиналась со слов жертвователя: «Ешьте, мясо вам, кости – мне». Остатки пищи раздавали участникам застолья как долю оставшихся дома больных, старых людей и детей. Кости жертвы не позволяли грызть собакам; собрав их вместе, бросали в реку; если нет поблизости реки, то закапывали в землю, куда не ступала нога человека [47].

Как видно из вышеизложенного, основные элементы этого обрядового действия (коллективное поедание мяса, ритуальное отношение к крови и костям жертвы) были характерны интичуме – магическому возрождению, воскрешению и размножению тотема на тотемических праздниках древних людей.

Очевидно, в прошлом предметом особого внимания у башкир была и голова жертвенного животного: его (воплощение барана) выставляли божествам. Так, при вызывании дождя в Абзелиловском районе РБ дети бегали по улице с восклицаниями: «Лей, лей, Яуметдин (дождь), зарежу черного барана, голову его

выставлю тебе, грудинку заберу себе, входящим-выходящим детям, отдам потроха». Заклинания аналогичного содержания были свойственны также башкирам Учалинского, Мелеузовского, Хайбуллинского районов Башкортостана, Кувандыкского района Оренбургской области и Нижнесергинского района Свердловской области. Они отличались от вышеприведенного текста только формой обращения к дождю: в Учалинском районе РБ дети выкрикивали: «Лей, лей, дождик мой!», в Мелеузовском районе РБ – «Дядя холод, приди, приди!» [28, с. 117–120], в Хайбуллинском районе РБ и Кувандыкском районе Оренбургской области – «Тетья дождик, лей, лей!» [24; 41]. Примерно такими же словами вызывали и ясную погоду [28, с. 124]. В вышеприведенных детских заклинаниях погоды обращает на себя внимание то, что башкиры приносили в жертву овцу антропоморфизированным солнцу, холоду, дождю. Примечательно, что проведение такого ритуала зафиксировано в живой обрядовой практике различных локальных групп башкир. Так, в Нижнесергинском районе Свердловской области при заклинании дождя жертвовали у реки черного барашка, а при продолжительном ненастье на заклинание приносили на вершине горы белую овцу [48, с. 240]. В Бураевском районе РБ в засушливое лето ставили с пожеланиями дождя череп барана на кол посередине болота [49, с. 22]. В таком же ключе следует рассматривать и поверье гайнинских башкир: «Гром гремит, а дождя нет – значит, дождь барана просит» [27, с. 298].

В мифологии древних башкир присутствуют образы божественных или небесных овец. И сегодня в разговорной речи башкир сохранилось образное выражение: «*Алланың кашка тәжәһе*» («Белолобый божий баран») – так неодобрительно говорят о человеке, которого необоснованно ставят в привилегированное положение, или когда кто-то незаслуженно стремится выслужиться, быть выше других [31, с. 53]. В устном творчестве башкир встречаются мотивы олицетворения звезд в облике небесных овец. В загадках: «Один пастух пасет овец, а овцы крылаты, пастух рогат», «Один пастух пасет тысячу овец», «Сотне ягнят один пастух» [50, с. 52–53] слова «овцы» и «ягнята» отгадываются как «звезды».

Выводы

Таким образом, изложенные выше проявления культа овцы (барана) в фольклорных и бытовых традициях, обрядовых действиях и верованиях башкир свидетельствуют о том, что в основе почитания овцы (барана) древними башкирами лежат атавизмы тотемического образа мышления первобытных людей о тождестве, единстве и кровном родстве человека и овцы (барана). Их пережитки проявляются в сказочном фольклоре, народных играх, родоплеменной этнонимии и антропонимах башкир. Наличие в устных рассказах башкир персонажа – царя с бараньими рогами – наводит на мысль, что древние башкиры почитали своим предком мифическое существо в облике получеловека-полубарана. В ипостаси тотемического предка овца (баран) в башкирском народном творчестве и верованиях выступает в роли покровителя, путеводителя, спасителя, благодетеля и целителя людей, охранителя жизни, прорицателя и предопределятеля их судеб, сопровождающего душ мертвых в рай; символизирует плодородие, благопо-

лучие, достаток и счастье. В отдельных элементах традиционной башкирской свадьбы и жертвоприношения барана, в суевном отношении к черепу и звеньям шейного позвонка овцы (барана) просматриваются явные следы древних праздников овцы (барана) с ритуалами тотемической табуации, коллективного причащения мясом и кровью, магического воскрешения и размножения тотемного животного. В башкирских легендах, загадках и лексике прослеживаются пути эволюции представлений о тотемическом предке овце (баране), формирование на их базе воззрений об овцах (баранах) – сверхъестественных божественных существах, олицетворений звезд. Проведенное исследование показывает, что для полной реконструкции домусульманского политеистического мировоззрения башкир необходимо дополнительное привлечение материалов почитания и других представителей живой природы.

Список литературы:

1. Беляев Т.С. Кузь-Курпачь, башкирская повесть, написанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских 1809 года. Казань: В универ. тип., 1812. 180 с.
2. Кудряшев П.М. Предрассудки и суевия башкирцев // Отечественные записки. 1826. Ч. 28. С. 65–82.
3. Кузеев Р.Г. Древнебашкирские предания о нахождении новой родины и их северо-кавказские параллели // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых, археологических и этнографических исследований 1970 г.: тез. докл. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 50.
4. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Китап, 2009. 296 с.
5. Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа: Башкнигоиздат, 1970. 304 с.
6. Кирэй Мэргэн. Башкорт халкының эпик комартылары. Өфө: Баш. китап нәшр., 1961. 388 с.
7. Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 248 с.
8. Шитова С.Н. История архитектурного декора в башкирских аулах. Уфа: Гилем, 2004. 218 с.
9. Хисамитдинова Ф.Ф. Башкортгарзың им-том китабы. Дауалау һәм һаклау магияһы. Өфө: Информреклама, 2006. 180 с.
10. Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 243 с.
11. Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. 512 с.
12. Авдеев А.Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. М.–Л.: Искусство, 1959. 266 с.
13. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. 576 с.
14. Башкирское народное творчество. Т. 2. Легенды и предания. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987. 576 с.
15. Башкирское народное творчество. Т. 5. Бытовые сказки. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990. 496 с.
16. Башкорт халык ижады. Т. 4. Әкияттәр. Өфө: Баш. китап нәшр., 1981. 398 с.
17. Низами. Искандэр-намэ. М.: Худ. лит-ра, 1953. 804 с.
18. Фирдоуси. Шахнаме. М.: Худ. лит-ра, 1972. 798 с.
19. Камалов А.А., Камалова Ф.У. Башкорт теленен тарихи-этимологик һүзлеге. Өфө: Китап, 2007. 332 с.
20. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII веках. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1957. 183 с.

21. Васильева Г.П. О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа: БФ АН СССР, 1971. С. 199–204.
22. Башкирские шежере / сост., перев. текстов, введ. и комм. Р.Г. Кузеева. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1960. 304 с.
23. Академический словарь башкирского языка: В 10-ти т. Т. 2 / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 568 с.
24. Полевые материалы автора. Записано в 2005 г. в с. Акъяр Хайбуллинского района РБ от Кунакасовой А.Ф., 1932 г.р.
25. Белков П.Л. Миф и тотем в традиционном обществе аборигенов Австралии. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 288 с.
26. Башкирские родословные / сост., предисл., поясн. и перев. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. Вып. 1. Уфа: Китап, 2002. 480 с.
27. Тулвинские татары и башкиры. Этнографические очерки и тексты / отв. ред. А.В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 456 с.
28. Башкорт халык ижады. Т. 1. Йола фольклоры. Өфө: Китап, 1995. 560 с.
29. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 374 с.
30. Миннибаева З.И. Традиционная медицина // Курганские башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. С. 153–214.
31. Башкорт теленең һүзлеге: Ике томда. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1. 864 с.
32. Намар, һарытау өлкәһе башкорттарының рухи хазинаһы. Өфө: Эшл. дин., 2008. 284 с.
33. Тейлор Э. Первобытная культура / под ред., с предисл. и примеч. В.К. Никольского. М.: Соцэкгиз, 1939. 568 с.
34. Фрэнгер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом завете. М.: Политиздат, 1985. 512 с.
35. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1964. 258 с.
36. Бернштам А.Н. Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эрши // Советская этнография. 1948. № 4. С. 155–161.
37. Гольмстен В.В. Из области культа древней Сибири // Из истории докапиталистических формаций: сб. ст. к 45-летию научной деятельности Н.Я. Марра. М.–Л.: ОГИЗ, 1933. 690 с.
38. Обьденнов М.Ф., Миннигулова Ф.М. Древнее искусство Башкирии. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. 150 с.
39. Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тыс. н.э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа: БФ АН СССР, 1968. С. 248–268.
40. Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987. 544 с.
41. ПМА. Записано в 2016 г. в с. Ибрагимово Кувандыкского района Оренбургской области от Мулькамановой М.Я., 1949 г.р.
42. Экспедиция материалдары – 2004: Әлшәй районы. Өфө: РУНМЦ МО РБ, 2006. 236 с.
43. Султангареева Р.А. Башкирский свадебно-обрядовый фольклор. Уфа: УНЦ РАН, 1994. 188 с.
44. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 188 с.
45. Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 146 с.
46. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. Уфа: Гилем, 2012. 704 с.
47. ПМА. Записано в 2017 г. в с. Акъяр Хайбуллинского района РБ от Ямансариной Г.Я., 1942 г.р.
48. Рухи мираҫ: Свердловск башкорттарының фольклоры. Өфө: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 260 с.
49. Экспедиция материалдары – 2006: Борай районы (Материалдар һәм тикшеренеүҙәр). Өфө: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 240 с.
50. Башкорт халык ижады. Йомактар. Өфө: Баш. Китап. нәшр., 1979. 352 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Илимбетова Азалия Фаттаховна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии; Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Российская Федерация). E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru.</p>	<p>Ilimbetova Azaliya Fattakhovna, candidate of historical sciences, senior researcher of Ethnology Department; Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Илимбетова А.Ф. Символика овцы (барана) в фольклоре, обрядах и обычаях башкир // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 235–241. DOI: 10.17816/snv2021104217.